

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-116–123

IMAGINES AUGUSTI: РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ГОРОДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В.А. Конопаткин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4579-1753

В статье рассматривается роль императорских изображений в городах Поздней Римской империи. На основании нарративной традиции, текстов законодательства и панегириков анализируется частотность размещения статуй августов в пространстве города, а также практики взаимодействия с ними со стороны подданных. Автор заключает, что статуи находились в империи повсеместно в наиболее людных и значимых местах, а их частотность и монументальность создавали ощущения «вечного присутствия» императора, что обеспечивало видимость легитимности установленного порядка. Сведения как христианских, так и языческих авторов вместе с данными законодательства подтверждают, что практики поклонения императорским образам сохранялись, поскольку статуи правителя и реальное правящее лицо фактически отождествлялись. Императорские статуи оказывались встроены в практики повседневных ритуалов жителей города. Они санкционировали власть магистратов, выполняли надзорную функцию, им поклонялись, подносили петиции, искали у них убежища. В периоды смут и мятежей императорские статуи подвергались нападению, тем самым подданные выступали против власти, символически оспаривая легитимность августа; соответственно, статуи охранялись законодательно, причем не только правящих императоров. Особое отношение к статуям императора не исчезло после его смерти, а практики, связанные с почитанием их, сохранялись позднее. Таким образом, значение имел не конкретный правитель, наделенный властью, а абстрактная власть как таковая, заключенная в фигуре императора.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, репрезентация власти, императоры, постаршая имагология

В Поздней Римской империи в контексте общего переустройства государства фигура августа также претерпевала изменения. Теперь репрезентация императорской власти приобрела новые символические формы, выраженные в изменениях в титулатуре и церемониале. Все это отвечало на вопрос: в каком смысле Римская

Данные об авторе. Владислав Алексеевич Конопаткин – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

империя оставалась единой политической системой? Ответ – у всех жителей империи был один император. Любая политическая активность сводилась к фигуре августа. Общий культурный контекст по всей империи заполнялся символами императорской власти, в том числе изображениями императора. Последние имеют большую историческую ценность с точки зрения представления в них политических идей. Через изображения современники визуализировали различные этические, культурные и политические цели. Однако вызывает интерес не визуализация идей (этот вопрос основательно исследован в историографии¹), а сами изображения, точнее их роль в пространстве города и практики взаимодействия с ними.

Статуя императора воспринималась не просто как безжизненный памятник, эстетическое украшение общественной площади, которое передавало некое послание публике. Изображения сами по себе являлись неотъемлемой частью городского пространства, находясь повсеместно. С одной стороны, они поддерживали так называемое «вечное присутствие», по выражению С. МакКормака², т.е. создавали ощущение постоянного пребывания императора в каждом уголке империи одновременно, с другой – императорские статуи вовлекались в практики повседневных ритуалов жителей города.

РАСПОЛОЖЕНИЕ СТАТУЙ ИМПЕРАТОРОВ

Севериан, епископ Гавальский, сообщает, что император не может присутствовать везде, где действует то или иное официальное лицо, чтобы проконтролировать исполнение своей власти. А следовательно, там – в судах, на рынках, в общественных собраниях и театрах – должна стоять статуя императора, чтобы правитель таким образом мог подтвердить происходящее и санкционировать власть магистратов (PG 56, 489). Кроме того, например, закон от 394 г. предписывает, чтобы рекламные изображения были удалены из общественных портиков и других мест, в которых обычно находятся (императорские) изображения (С. Th. XV.7,12). Рекламу, естественно, стремились разместить там, где ее увидело бы большее число людей, но, по-видимому, наиболее выгодные места уже были заняты изображениями императора, а соседство не допускалось.

Статуи императора украшали и ворота, например, знаменитые золотые ворота в Константинополе (Euseb. *Vit. Const.* 4.15, 3.3). Археологически расположение статуй проследить сложно, однако Г. Дей в исследовании позднеантичных городов с точки зрения репрезентации власти утверждает, что статуи являлись неотъемлемой частью оформления триумфального пространства – главных улиц, вокруг которых строилось самовыражение императорской власти³. К схожим выводам приходит и ряд других авторов⁴. Л. Лаван исследовал вопрос присутствия в городах Поздней Римской империи статуй уже умерших императоров⁵. В Константинополе сохранялись многочисленные форумы, созданные во времена правления тех или иных императоров, где помещались их изображения; особенно в

¹ Zanker 1973; 1983; 1987; Smith 1985; 1987; 1996; 1997; 2000; Guidetti 2021.

² MacCormack 1981, 43.

³ Dey 2014, 94.

⁴ Bauer 2001; 1996.; Kelly 2001, 173; Hopkins 1978, 223; Lavan 2003, 323.

⁵ Lavan 2011.

пространстве города доминировали статуи Константина. Так, известно, что одна из них ежегодно удостоивалась почестей от правящего императора вплоть до времен Льва⁶. Изображения Константина сохранялись также и в Риме. Изображение Феодосия I сохранялось вплоть до времени правления Анастасия и было убрано только потому, что упало, считает Л. Лаван⁷.

Даже статуи Юлиана сохранялись на улицах и площадях в Эфесе, Сагалассосе, Сиде, Кесарии Филипповой, в Оксиринхе и Константинополе, хотя этот император имел плохую репутацию в христианизированной империи⁸. На улицах и площадях, открытых в ходе археологических раскопок, сохранность императорских статуй замечательна – восточные города, такие как Эфес, Афродизиас, Сагалассос и Антиохия-на-Оронте, с гордостью выставляли на улицах и площадях памятники императорам IV в. (и даже I–III вв.) вплоть до конца VI или VII вв.⁹ В текстах гораздо труднее атрибутировать принадлежность упоминаемых статуй, однако следует так или иначе заострить внимание на вопросе – взаимодействовали ли подданные со статуями только правящих императоров или со статуями августов вообще.

Захария Митилинский насчитывает около 4 000 почетных памятников только в Риме V в. (*Chron.* 10.16). Это подтверждает высокую значимость образов императоров, а из-за обилия и частоты расположения публичных статуй их идентичность была важна менее, чем общая монументальность и связанная с этим трансформация общественного пространства в контексте создания ощущения вездесущности власти императора¹⁰. Неизвестный панегирист 310 г. прямо заявляет, что подданные хотят присутствия императора повсюду, словно это возможно в реальности (*Pan. Lat.* VII. XXI. 1), поскольку от этого «увеличивается численность населения, растут городские стены и роскошные здания» (*Pan. Lat.* XII. XXII. 6). В панегирике цезарю Констанцию даже говорится, что мятежник, скрываясь от правосудия, «куда бы ни побежал, встретит силу императорской божественности везде, где поклоняются изображениям и статуям Августа» (*Pan. Lat.* VIII. XV. 6).

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБРАЗАМИ АВГУСТОВ

Итак, статуи и портреты императора стали неотъемлемой частью имперского пространства и формально санкционировали власть магистратов своим присутствием. Однако так же они могли воздействовать на римлян и иначе. С. МакКормак показала, что в поздней античности различные способы репрезентации власти императора носили единый характер: ритуалы императорского самовыражения перекликались с текстами и изображениями¹¹. В панегириках всячески подчеркиваются сверхъестественные провиденциальные способности императора¹². Он настолько пронизателен, что может отчетливо видеть настоящее и будущее и сравним с Линеем, который, по рассказам, проникал взглядом сквозь стены

⁶ Lavan 2011, 465.

⁷ Lavan 2011, 466.

⁸ Lavan 2011, 466.

⁹ Lavan 2011, 467.

¹⁰ Weisweller 2012, 324.

¹¹ MacCormack, 1981, 181–186.

¹² Об этом также см.: Rees 2015, 102; Smith 1997, 182.

домов и стволы деревьев (Pan. Lat. IV. XI. 4). Взгляд императора не могут выдержать и нерадивые слуги, и те, кто вынашивает преступные помыслы (Pan. Lat. XII. XXXI. 1). Таким образом, присутствие императорских статуй на площадях и рынках выполняло и охранную функцию. Находясь перед взором императора, пусть воплощенного в своем изображении, злоумышленник рисковал, ибо август все знает и все видит, особенно если преступление совершено перед его статуей. А убеждение, согласно которому правитель и его образ чрезвычайно близки, было достаточно распространено¹³.

Например, Святой Афанасий сравнивает Бога с императором в попытках объяснить единство Отца и Сына. Сын и Отец едины, ибо Сын находится в Отце, а Отец в Сыне. Также в образе есть форма Императора, а в Императоре есть та форма, которая есть в образе. Человек, который смотрит на изображение, видит в нем Императора, и тот, с другой стороны, кто видит Императора, признает, что это он находится в изображении (Athan. *Contra Arianos orat.* III. 5 (PG 26, 332B)). В очень похожем пассаже Василий Великий замечает, что честь, оказываемая изображению, соответствует чести того, кто в нем воплощен (Bas. Caes. *De spiritu sancto.* 45 (PG 32, 149C)). Севериан Гавальский говорит, что если в отсутствие императора его место занимает изображение, то и магистраты, и народ должны относиться к нему так, как если бы они смотрели не на изображение, а на само лицо императора. Ведь образ бессмертного императора может пробиться не только сквозь камень, но даже сквозь небо и землю (PG 94, 1409A).

А поскольку статуи – это почти то же, что и сам император, то и относиться к ним следует соответствующе. Григорий Назианзин в своей первой речи против Юлиана говорит, что одним из самых почитаемых обычаев римлян было чествование императоров публичными изображениями, которым нужно было поклоняться (Gr. Naz. Or. IV. 80 (PG 35, 605B, 605C)). Святой Амвросий в рассуждении о достоинствах различных частей человеческого тела ненароком упоминает о почитании императорских черт в изображении со стороны граждан (Ambr. *Exameron.* VI. 57 (CSEL 32.1, 248)). Он также замечает, что тот, кто почитает изображение императора, почитает тем самым того, чей образ он увенчал, и тот, кто проявил свое презрение к статуе императора, считается причинившим вред самому императору (Ambr. *Expositio in ps.* CXVIII. 10, 25 (CSEL 62, 219)). Иоанн Лид описывает, как префекта принимал не император, а его изображение Jo. Lyd. *De Magistratibus* 3. В 467 г. император Лев послал в Рим свое изображение, тем самым напомнив Городу о своей власти. Это было как бы символом единства империи. Изображение императора Антемия заменяло фигуру самого правителя в ходе адвента в Константинополь (De Ceremoniis. 1. 87).

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать то, что, во-первых, в сознании римлян существовало убеждение о прямой связи между изображением августа и самим августом на уровне близком к отождествлению. Во-вторых, образы правителя необходимо было почитать определенным образом, однако это создавало некоторые трудности для христиан, поскольку для них почитание образов правителей являлось идолопоклонством. Однако эта проблема выходит за рамки статьи и уже достаточно подробно рассмотрена в историогра-

¹³ Kelly 2001, 173.

фии¹⁴, нам же интересен сам факт внимания авторов к повсеместному почитанию статуй.

Однако неизвестно, что конкретно представляло собой поклонение изображениям. Христианские авторы выделяют понятия *colere* и *adorare*; по отношению к императорским статуям применялось именно последнее, т.е. проскинеза, поскольку первое в большей степени означает религиозное почитание¹⁵. Все же неясно, осуществлялась ли проскинеза с целью исполнения гражданского долга, поскольку к статуям нужно было относиться так же, как к живому императору, либо же перед статуями совершали обряд с целью получить от августа помощь в каком-то деле. Например, Севериан сообщает, что жертва насилия может спрятаться за изображением Августа, и тогда никто больше не посмеет причинить ей зла (PG 56.489). Перед изображением императора приносилась и присяга на верность¹⁶. В 386 г. Феодосий издал указ, согласно которому около императорской статуи беглецы смогут найти убежище в течение десяти дней, когда их нельзя будет трогать (С. Th. VIII.44.1). Более того, известно, что к статуе императора Льва подносились петиции – они прикреплялись прямо к изображению, откуда потом их собирали и относили императору (PG 2.31).

В 425 г. Феодосий II осудил чрезмерное поклонение императорским статуям или изображениям (*status vel imagines*) при их установке, будь то в праздничные или будние дни. Императорские портреты выставлялись на играх для того, чтобы императорские *pumen* и *laudes* жили в сердцах и умах собравшихся. Поклоняться же следует только Богу (С. Th. XV.4.1). Конечно, это событие можно оценить как победу христианского мировоззрения, осуждающего поклонение императорским изображениям как языческим божествам и идолам. Однако это императорское замечание напоминает традиционную для принцепсов ложную скромность, которая стоит в одном ряду с показным отказом от власти, скромно организованными пирами, либо же напоминает отказ Августа или Тиберия от культового почитания собственной фигуры¹⁷. Более того, в тексте используется местоимение *postra*, которое свидетельствует о запрете поклонения статуям именно Феодосия II и Валентиниана III. К тому же, запрет на почитание говорит в первую очередь о том, что оно до сих пор сохранялось.

О высокой значимости императорских статуй в пространстве города говорит и то, что во время смут и мятежей горожане первым делом стремились избавиться от изображений августа, причем зачастую достаточно изощренными методами. Например, толпа бунтовщиков в Антиохии яростно возражала против увеличения налогов в 387 г. и громила статуи, за что город был жестоко наказан. Об этом подробно сообщают Либаний и Созомен (*Lib. Or.* 22.7; *Soz.* 7.23), но не уточняют, чьи именно статуи подверглись разрушению, хотя восстание и было направлено против Феодосия – они говорят об императорских изображениях вообще. Уточняет лишь Иоанн Златоуст, имея в виду Феодосия, однако его текст построен как обращение к императору (PG 49, 73). Гнев был направлен на правящего императора, но уничтожались ли только его изображения? Вероятно, разрушались все статуи

¹⁴ Kahlos 2016; Setton, 1941.

¹⁵ Setton, 1941, 198.

¹⁶ Kahlos 2016, 183.

¹⁷ Bowersock 1983, 53–54. Другая точка зрения: Rollin 1979, 181.

без разбора, потому как сомнительно, что бунтующий народ, который выступал против власти вообще, делал какие-то различия.

В других случаях бунтовщики проявляли показную враждебность, жестоко обращаясь со статуей августа, как с обычным преступником. Либаний рассказывает, как однажды жители Эдессы снесли бронзовую статую императора Констанция и протащили ее по улицам лицом вниз, избивая ремнями (*Lib. Or.* 19.48). Таким образом, население выплескивало свой гнев, а затем проводило тревожные дни в трепете, ожидая наказания (*PG* 49, 43, 216). Забывание камнями императорского образа было тяжким преступлением, и даже клевета на кого-то по этому поводу была серьезным оскорблением, как показывает обвинение против Афанасия Александрийского, брошенное его противниками на Тирском соборе в 335 г. Противники Афанасия обвинили его в клевете против пресвитера, который якобы бросал камни в императорские статуи (*Soz.* 2.25).

Василий Кесарийский замечал, что человек, который оскорбляет образ императора, осуждается, как будто бы это был выпад против самого императора (*PG.* 30, 589A–B). Амвросий Медиоланский, вторя Василию, утверждает, что тот, кто непочтительно обращается с императорской статуей, считается совершившим преступление против императора (*Ambr. Expositio in ps.* CXVIII. 10.25 (CSEL 62, 219)).

Таким образом, императорские статуи не только предполагали возможность через них обращаться к императору или искать возле них защиты, но и выступать против его власти, символически оспаривая легитимность августа и правомерность установленного порядка. Соответственно, статуи охранялись и законодательно. Всевозможные изменения или несанкционированные копии императорских образов были строго запрещены. В законе 381 г. копирование «священных императорских черт, то есть посягательство на их божественный лик» и «кощунственное подражание их почтенным образам» перечисляется в одной строке с такими преступлениями, как паррицид, инцест и отравление (*C. Th.* 9.38.6). Интересно, что не упоминается, образы каких именно императоров не дозволяется копировать – правящих в прежние времена или нынешних. Более того, оговаривалось, что статуи в честь августа не должны братья из частных коллекций, чтобы частное лицо не могло претендовать на владение образом императора (*C.J.* 1.24.3) – здесь также отсутствуют какие-либо сведения об атрибуции изображений. Следовательно, по-видимому, законом охранялись все статуи, и никто кроме государства в принципе не мог претендовать на обладание какой-либо долей власти, принадлежащей исключительно императору. А эта власть распространялась также и на образы умерших правителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, императорские статуи играли значительную роль в организации пространства позднеантичного города. Они располагались в наиболее людных и значимых местах, где таким образом санкционировалась государственная власть, а горожане могли увериться в заботе над ними со стороны этой власти. Подданный мог искать защиты у статуи или через статую просить помощи напрямую у правителя, а в случае недовольства выплеснуть свою ярость на образ августа. Следо-

вательно, «вечное присутствие» обеспечивалось вездесущностью императорского образа и распространением практики взаимодействия с ним. Поскольку император не может одновременно находиться повсеместно, чтобы обосновать право магистрата осуществлять свою власть и заставить подданного подчиняться, его изображение воплощает это присутствие, причем правитель в таком случае – это не конкретное лицо, правящее в данный момент, а любой представитель императорской власти, запечатленный в изображении. Наполнение города императорскими статуями обосновывало незыблемость государственного строя и правопорядка, придавая сакральность и легитимность тому пространству, в котором император оказывался главным благодетелем, арбитром и источником власти.

Единство политической системы основывается не только на общих государственных институтах и налогах, но и общих символах и ритуальных практиках. Культ императора и все, что с ним было связано, создавал контекст, в котором жители всех уголков империи могли фиксировать свою принадлежность к единому политическому порядку. Общий и доступный для всех императорский образ вместе с сопутствующими ему повседневными практиками являлся одним из важнейших элементов коллективного опыта римлян, который был призван обеспечить единство государства.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bauer, F.A. 1996: *Platz und Denkmal in der Spätantike*. Mainz.
- Bauer, F.A. 2001: Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia* 15, 27–61.
- Bowersock, G.W. 1982: The Imperial Cult: Perceptions and Persistence. *Jewish and Christian Self-Definition* 3, 171–182.
- Dey, H. 2014: *The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. New York.
- Guidetti, F. 2021: Between Expressionism and Classicism: Stylistic Choices as Means of Legitimation in Late Fourth-Century Imperial Portraits. In: M.P.G. Ruiz, A.J.Q. Puertas (eds.), *Imperial Portraits in Late Antiquity: Images and Narratives*. Madrid, 139–76.
- Hopkins, K. 1978: *Conquerors and Slaves (Sociological studies in Roman history, I)*. Cambridge.
- Kahlos, R.T.M. 2016: The Emperor's new Images: How to Honour the Emperor in the Christian Empire In: M. Kahlos (ed.), *Emperors and the Divine: Rome and its Influence*. Helsinki, 119–138.
- Kelly, C. 2001: Empire building. In: G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar (eds.), *Interpreting Late Antiquity*. Belknap, 170–195.
- Lavan, L. 2003: The Political Topography of the Late Antique City: Activity Spaces. *LAA* 1, 314–337.
- Lavan, L. 2011: Political Talismans? Residual 'Pagan' Statues in Late Antique Public Space. *LAA* 7, 437–477.
- MacCormack, S. 1981: *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley.
- Rees, R. 2015: The Look of the Late Antique Emperor and the Art of Praise. In: H. Lovatt, C. Vout (eds.), *Epic Visions. Visuality in Greek and Latin Epic and its Reception*. Cambridge, 199–221.
- Rollin, J.P. 1979: *Untersuchungen zu Rechtsfragen römischer Bildnisse*. Bonn.
- Setton, K.M. 1941: *Christian Attitude towards the Emperor in the Fourth Century*. New York.

-
- Smith, R.R.R. 1985: Roman Portraits: Honours, Empresses, and Late Emperors. *JRS* 75, 209–221.
- Smith, R.R.R. 1987: The Imperial Reliefs from the Sebasteion at Aphrodisias. *JRS* 77, 88–138.
- Smith, R.R.R. 1996: Typology and Diversity in the Portraits of Augustus. *JRA* 9, 30–47.
- Smith, R.R.R. 1997: The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century. *JRS* 87, 170–202.
- Smith, R.R.R. 2000: Nero and the Sun-God: Divine Accessories and Political Symbols in Roman Imperial Images. *JRA* 13, 532–542.
- Weisweller, J. 2012: From Equality to Asymmetry: Honorific Statues, Imperial Power, and Senatorial Identity in Late-Antique Rome. *JRA* 25, 319–350.
- Zanker, P. 1973: *Studien zu den Augustus-Porträts*. Bd. 1. *Der Actium-Typus*. Göttingen.
- Zanker, P. 1983: *Provinzielle Kaiserporträts. Zur Rezeption der Selbstdarstellung des Princeps*. München.
- Zanker, P. 1987: *Augustus und die Macht der Bilder*. München.

IMAGINES AUGUSTI: ON THE ROLE OF IMPERIAL IMAGES IN THE CITIES OF THE LATE ROMAN EMPIRE

Vladimir A. Konopatkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: vladgimn93@gmail.com

The article examines the role of Emperor's images in the cities of the Late Roman Empire. Based on the narrative tradition, legislative texts and panegyrics, the frequency of placement of imperial statues in the city space, as well as the practice of interaction with them by subjects, is analyzed. It is concluded that the statues were located everywhere in the Empire in the most crowded and significant places, and their frequency and monumentality created a feeling of the "eternal presence" of the emperor, which provided the appearance of legitimacy of the established order. Information from both Christian and pagan authors, together with legislative data, confirms that the practice of worshipping imperial images was preserved, since the statues of the ruler and the real ruling person were practically identified. Imperial statues found themselves embedded in the daily rituals of the city's inhabitants. They sanctioned the power of officials, performed a supervisory function, they were worshiped, presented petitions, and sought refuge with them. During periods of unrest and rebellion, imperial statues were attacked, thereby subjects opposed the government, symbolically challenging the legitimacy of emperor; accordingly, the statues were protected by law, and not only of the ruling emperors. The special attitude towards the statues of the emperor did not disappear after his death, and the practices associated with their veneration continued later. Thus, what mattered was not the specific ruler endowed with power, but the abstract power as such, contained in the figure of the emperor.

Keywords: Late Roman Empire, representation of power, emperors, potestary imagology
